

**Елена ВИШЛЕНКОВА  
Кира ИЛЬИНА**

**НАУКА УПРАВЛЯТЬ:  
ГОСПОДСТВО ЧЕРЕЗ ЗНАНИЕ И РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ  
РОССИЙСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ  
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.\***

В 1979 г. Марк Раев подвел итоги первого этапа в изучении государственного аппарата и бюрократии Российской империи современной международной историографией и наметил программу дальнейших исследований:

Карьерные траектории, экономический статус и социальное происхождение бюрократических кадров теперь уже достаточно ясны и даже вполне удовлетворительно просчитаны. Мы должны перевернуть страницу и задавать новые вопросы.<sup>1</sup>

---

\* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Авторы выражают признательность анонимным рецензентам журнала за комментарии и рекомендации.

<sup>1</sup> Marc Raeff. The Bureaucratic Phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *American Historical Review*. 1979. Vol. 84. No. 2. P. 411.

Как эта бюрократия работала? Как работали разные правительственные органы и учреждения, местные и центральные? Лишь самые первые шаги были предприняты пока что в этом направлении...<sup>2</sup>

Сегодня можно сказать, что эта программа в целом выполнена: описана работа отдельных центральных органов власти (министерств, особых совещаний, Государственной Думы, Государственного Совета) и местной администрации (на губернском или региональном уровне). По каждому из упомянутых аспектов можно сослаться на десятки и даже сотни работ на разных языках – диссертаций, монографий, обобщающих справочников, не говоря о статьях и главах в коллективных сборниках. Оставшиеся лакуны второстепенны. Достигнутая плотность описания бюрократии и системы государственного управления Российской империи делает особенно явной абстрактную социологичность понятия “бюрократия”, переосмысленного в современном научном смысле сто лет назад социологом Максом Вебером. Биографии чиновников, институциональная история ведомств, государственная политика, отношения губернаторов с местным обществом – сюжеты, составляющие эмпирическую основу исследований “государственного управления” и “бюрократии”, рассказывают о людях, идеях и организациях, но требуется дополнительное усилие абстрактного мышления, чтобы увидеть в них историю именно бюрократии (или “государства”). Что именно делает эти сюжеты “бюрократическими”?

Одно из кратких определений Вебера гласит:

Бюрократическое управление означает господство через знание, в этом заключается его специфически рациональная основа. Свои могущественные властные позиции, достигнутые в силу профессионального знания, бюрократия ... стремится усилить за счет служебного знания, т.е. фактической осведомленности, возникающей в ходе служебных взаимодействий или в результате знакомства с документами.<sup>3</sup>

Однако невозможно представить себе господство через “незнание”. Документы использовались правителями и чиновниками еще в глубокой древности, а между тем подлинная бюрократия по Веберу – сравнительно недавний модерный феномен. Конкретно, в российском контексте большинство историков согласны, что современная бюрокра-

<sup>2</sup> Ibid. P. 409.

<sup>3</sup> М. Вебер. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Т.1. Москва, 2016. С. 263.

тия начинает складываться лишь при Николае I благодаря дальнейшей регламентации службы и составлению свода законов, целенаправленной подготовке кадров и распространению особого служебного этоса.<sup>4</sup> Но чиновники, законы, образование и многочисленные инструкции существовали и прежде. Остается предположить, что радикально изменился характер “знания”, на основе которого начало формироваться подлинно бюрократическое управление.

В последнее десятилетие историки обратились к изучению имперского знания в России, в том числе управленческого.<sup>5</sup> И все равно, в рамках истории идей не удастся объяснить феномен формирования современного – подлинно бюрократического – государственного управления в России именно во второй четверти XIX в. Абстрактный социологизм этих категорий проявляется и в попытках реконструировать механизмы установления “господства через знание”. Так, еще в 1999 г. в своем комплексном исследовании российского чиновничества Л. Е. Шепелев обратил внимание на трансформацию языка администраторов, сопровождавшую изменение характера государственной службы в первой половине XIX в.:

Потребности модернизации делопроизводства послужили стимулом к изменению “приказного стиля”, или “официального слога”, то есть общепринятого условного канцелярского языка. ... Модернизация канцелярского языка проходила в несомненной связи с изменениями в русском литературном и разговорном языке. Постепенно складывавшийся новый (министерский) канцелярский язык характеризуется, прежде всего, стремлением к точности и выразительности изложения, стройности в организации текста, унификации и стабильности однородных его элементов, к учету иерархии учреждений и должностных лиц.<sup>6</sup>

Несмотря на принципиально эмпирический характер своего исследования, Шепелев не объяснил, каким именно образом и почему происходили отмеченные им изменения, которые кажутся обособленными от желания и поступков конкретных людей. Между тем, в описанном им

---

<sup>4</sup> См. W. Bruce Lincoln. *In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861*. DeKalb, 1982; А. С. Сенин. Государственная служба в “золотой век” Российской империи // Т. Г. Архипова, М. Ф. Румянцева, А. С. Сенин. *История государственной службы в России XVIII–XX века*. Москва, 1999. С. 104–110;

<sup>5</sup> Один из последних примеров: Simon Franklin, Katherine Bowers (Eds.). *Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600–1854*. Cambridge, 2017.

<sup>6</sup> Л. Е. Шепелев. *Чиновный мир России: XVIII – начало XX в.* Москва, 1999. С. 54.

процессе не было ничего абстрактного. В начале XIX века даже университетские профессора доказывали попечителям учебных округов, которым они подчинялись, что “деловой слог не есть словесность, а только язык подьяческий, и что ему учиться не нужно после правил общей словесности”.<sup>7</sup> Они отказывались писать на нем официальные письма и отчеты. Но прошло двадцать пять лет, и их преемники уже сами просили руководство Министерства народного просвещения направить их в Сенат и другие правительственные места (сегодня сказали бы – “на стажировку”), дабы “изучать дух и требования правительства, правильный порядок и изящный слог для деловодства”.<sup>8</sup> В 1850-е годы университетские администраторы даже жаловались, что наука и образование пострадали от “излишнего статистического направления, развившегося в последнее время по всем частям гражданского управления”.<sup>9</sup> Тем не менее, ученые советы считали необходимым ввести науку “счетоводства” и делопроизводства в курс университетского обучения.<sup>10</sup> Таким образом, изменение языка делопроизводства происходило одновременно и в связи с формированием научного подхода к административному процессу – в полном соответствии с веберовской моделью бюрократизации как рационализации управления.

Приведенный пример профессоров и университетов не случаен. Он позволяет выйти за пределы социологического подхода и истории идей в сферу прямого взаимодействия идей, практик и институтов и ухватить трудноуловимую иначе связь между производством знания и новой политической культурой государственного управления. В этой статье речь пойдет о том, как, в процессе взаимодействия правительства с российскими императорскими университетами в первой половине XIX века, бюрократизировалась деятельность университетов и рационализировалась система управления, приводя, в результате десятилетий взаимных заимствований, к формированию современного бюрократического режима управления.

Богатые и до сих пор недостаточно исследованные архивы Министерства народного просвещения, попечительских канцелярий и

---

<sup>7</sup> М. Л. Магницкий. Краткое руководство к деловой и государственной словесности для чиновников, вступающих в службу. Москва, 1835. С. 13.

<sup>8</sup> Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 459. Оп. 2. Д. 777. Л.1 об.

<sup>9</sup> ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 1741. Л. 52-52 об.

<sup>10</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 95 Д.1147. Л. 54-55; ЦГАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 835. Л. 13-17.

университетов позволяют реконструировать всю цепочку взаимодействия между “властью” и “знанием” и проанализировать обратную связь между реальными историческими акторами, стоящими за этими абстрактными понятиями, в исторической динамике. Проведенные нами ранее исследования доказали продуктивность такой постановки проблемы, поскольку показали, что профессора российских университетов были вовлечены в прямое взаимодействие с министерскими чиновниками (и государственной системой в целом) гораздо в большей степени, чем предполагает традиционная модель автономной университетской корпорации.<sup>11</sup> Вместе с тем, правительства Александра I и Николая I и сами проявляли особый интерес к сфере образования, что подтверждается большим объемом распоряжений в этой области и той особой ролью, которую играло Министерство народного просвещения в новой административной структуре (а также повышенными требованиями к нему). Образование, особенно университетское, воспринималось властью как главная область производства экспертного знания, обеспечивавшая реализацию амбициозного замысла построения модерного (“благоустроенного”, в терминологии того времени) государства, сопоставимого с достижениями Габсбургов и Фридриха Вильгельма III. Исследование частного и наиболее прикладного сегмента этой экспертной сферы – медицины – показало сложную динамику переплетения процессов профессионализации медицинской сферы и параллельной модернизации государства, стимулирующих друг друга.<sup>12</sup> Кажется логичным проверить эту модель на более общем случае взаимодействия власти и университетов – одновременно и подчинявшихся правительству, и все более активно формирующих его облик в результате подготовки новых поколений чиновников из числа своих выпускников.

### *Первый опыт координации*

Создав в первые годы правления Александра I шесть университетов (точнее, пять университетов и Главный педагогический институт) и предоставив преподавателям привилегированные условия службы, правительственные реформаторы сферы образования переключились

---

<sup>11</sup> Е. А. Вишленкова, Р. Х. Галиуллина, К. А. Ильина. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. Москва, 2012.

<sup>12</sup> Об этом: Elena Vishlenkova. The State of Health: Balancing Power, Resources, and Expertise and the Birth of the Medical Profession in the Russian Empire // *Ab Imperio*. 2016. No. 3. Pp. 39-75.

на другие неотложные проблемы, поручив чиновникам Министерства народного просвещения доводить созданное “до ума”. Поле их деятельности было обширным по географии, но не чересчур насыщенным. В шести учебных округах, управление которых находилось в руках училищных комитетов из университетских профессоров, в 1804 г. действовали 53 гимназии и четырехклассных главных народных училища (которые с 1803 г. начали преобразовывать в гимназии), а также 900 двухлетних малых народных училищ (которые начали трансформировать в уездные училища). Общая численность их учеников составляла 33.715 человек (при населении страны около 40 миллионов человек).<sup>13</sup>

До 1817 г. органом Министерства, отвечающим за стратегическое развитие сферы образования, было Главное правление училищ. В него входили шесть сановников-попечителей и несколько назначенных императором правительственных деятелей (А. А. Чарторыйский, Ф. И. Клингер, С. О. Потоцкий, Н. Н. Новосильцов, Я. С. Румовский, Ф. И. Янкович-де-Мириево, П. С. Свистунов, Н. И. Фус, Н. Я. Озерецковский, позже П. А. Строганов, Л. К. Платер-де-Броель, лейб-медик П. Франк, А. К. Разумовский, М. М. Сперанский). Естественно, не эти люди занимались претворением общих замыслов в административные практики, регулируя стандарты делопроизводства и реагируя на отчеты учебных заведений – то есть тем, что в обыденном сознании связывают с “бюрократией”. Для этого в министерстве существовал штат канцеляристов: письмоводители, переводчики, журналист и архивариус. Но на протяжении правления Александра I число этих профессиональных бюрократов оставалось ничтожным. В 1827 г. архивариус П. Балеман подготовил справку, из которой выясняется, что с 1802 по 1818 гг. штат Департамента народного просвещения состоял всего из 12 канцеляристов. Именно они обрабатывали увеличивающийся с каждым годом поток документации, поступающий из университетов и училищ, занимались почтой и переводами, фиксировали и отправляли дела на хранение. Особенно сильно объем отчетов и справок вырос в 1810 г., когда министерству были переданы дела Медицинского совета, двух Медико-хирургических академий, Белостокского повивального института, Академии художеств и Академии наук, Публичной библиотеки, Царскосельского лицея, ученых обществ, закрытых иезуитских училищ, а также дела Виленского университета, ранее не присылавшего

<sup>13</sup> Е. Ф. Зябловский. Новейшее землеописание Российской истории. Санкт-Петербург, 1808. С. 323; А. Г. Виноградов. Население России и СССР с древнейших времен до наших дней: Демография. Часть 2. Б.м., 2015. С. 28.

отчеты в Петербург.<sup>14</sup> Объем работы министерских канцеляристов увеличивался из-за частых отъездов попечителей учебных округов то за границу, то на лечение, их продолжительных болезней или неожиданных отставок при отсутствии преемника (особенно этим отличались Виленский и Казанский учебные округа). Во всех таких случаях запросы и первичные отчеты из их училищ шли, минуя попечительскую канцелярию, сразу в министерство.

Никакой автономной группы “бюрократов” эти канцеляристы не представляли, являясь, скорее, в буквальном смысле “слугами государства”. Судя по состоянию делопроизводства, горстка чиновников Департамента народного просвещения в 1810-е годы буквально задыхалась от поступавшей каждый день почты и доставленных с оказией документов. Особенно тяжело им приходилось в январе-феврале, в период годовой отчетности. В это время департаментские служащие не успевали не то что разобрать и зафиксировать идущий поток документов, но даже вскрыть все почтовые пакеты и прочитать объемные рукописи – “исторические записки” профессорских советов о состоянии училищ данного округа. Перегруженность не позволяла министерским канцеляристам контролировать наличие всех требуемых видов отчетности от подведомственных учреждений. Они не успевали запрашивать из университетских канцелярий компенсацию недостатков, к тому же переписка обходилась очень дорого.

В то время как немногочисленные чиновники отчаянно пытались хотя бы рассортировывать получаемые бумаги, университетские профессора рассматривали тексты для министерства как очередное упражнение в риторике (частный случай квалификационной работы – неизбежного обременения научного поприща). Никакого взаимообязывающего эффекта “государства” не возникало в процессе их взаимодействия. Более того, весьма общая регламентация их деятельности в виде университетских уставов (1803–1804) оставляла на усмотрение местных профессорских сообществ разработку конкретных норм академической жизни, имевших сугубо локальное применение. В результате, десятилетие спустя министерство столкнулось с разнообразием правил, которыми руководствовались университеты, а также с трудностями их координации и регулирования.

Одним из первых встал вопрос о единых критериях присуждения ученых степеней. Он оказался тем более злободневным, что все ми-

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 745. Оп. 1. Д. 107. Л. 69 об.-70.

нистерства были заняты разработкой норм чиновпроизводства. Ученые степени профессоров – государственных служащих – оказывались дополнительным фактором, не позволявшим унифицировать и без того запутанную систему, основанную на принципе выслуги лет, казавшемся универсальным для всех чиновников. Ученые степени позволяли своим обладателям перепрыгивать через ступени служебной лестницы и сокращали для них сроки получения следующего чина. Это раздражало не обладающих учеными званиями опытных чиновников во всех ведомствах, порождало подозрение в том, что университеты раздают степени произвольно и не по заслугам. “Знание” вступало в противоречие с “управлением”. Дошло до того, что министерство запретило на время всем университетам вообще присуждать ученые степени, собрало в 1816 г. письменные описания правил их присвоения в каждом университете и обсуждало их на межведомственной комиссии.<sup>15</sup>

Этот эпизод позволяет зафиксировать момент, когда самодеятельное университетское административное творчество вошло в конфликт с представлениями правительства о централизованной государственной системе. Непосредственным фоном этого структурного конфликта стало раздражение по поводу потока письменных жалоб возмущенных профессоров к попечителям округов, а также опасения, что неуправляемость в сфере образования чревата политической дестабилизацией. Именно в это время в германских государствах ширилось либерально-националистическое движение студентов старых немецких университетов, на пике которого произошли “Вартбургский праздник” с попыткой создания общенемецкого студенческого союза (1817), преследование студентами российского посла А. С. Стурдзы (1818–1819) и убийство консервативного немецкого драматурга на российской службе А. Ф. фон Коцебу студентом Карлом Зандом (1819).<sup>16</sup> “Словесность, науки, правосудие, даже святость алтаря, – утверждал Стурдза, – все вверено университетам, а между тем ничто не удостоверяет, что они должным образом управляют государственным

---

<sup>15</sup> Е. А. Вишленкова, К. А. Ильина. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала практическую и научную значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 4. С. 91.

<sup>16</sup> Р. Хаазер. От братства по оружию к идеологической вражде: политизация университетской жизни в Германии и образ России в национальном движении 1813–1819 годов // История и историческая память / Под ред. А. В. Гладышева, Т. А. Булыгиной. Саратов – Ставрополь, 2012. Вып. 6. С. 31-63.

достоянием”.<sup>17</sup> Учрежденный в 1810 г. университет в Берлине выгодно отличался в глазах российских чиновников от старых университетских корпораций своей ориентацией на сотрудничество с бюрократией и подчинение государству.

Однако российские университеты были немногим старше Берлинского и были учреждены правительством, а не хранителями средневековых традиций корпоративной автономии. Ничто не мешало с самого начала поставить их под плотный контроль государства – кроме того обстоятельства, что никакого готового представления о способах современного государственного контроля у правительственных реформаторов не было. Заимствуя из разных источников и импровизируя, М. М. Сперанский и его сотрудники пытались сформировать новую систему управления обществом, действие которой обеспечивалось надындивидуальными и универсальными схемами саморегуляции: формализованными процедурами чинопроизводства, прозрачной сетью ведомственных взаимосвязей и рационализированным делопроизводством. Отнюдь не с первой попытки и неравномерно, ведомства и канцелярии объединялись в сети взаимодействия, связанные потоками циркулярных писем на официальных бланках, отношениями запроса-ответа, регулярным сбором информации посредством отчетов. По замыслу автора “Общего учреждения министерств” (1811), деятельность присутственных мест должна была регулироваться контролем над скоростью исполнения поступивших запросов, а продуктивность измерялась соотношением входящих и решенных дел в канцеляриях. Демонстрацией слаженной работы всех структурных частей ведомства должен был служить ежегодный отчет министра перед Государственным советом.<sup>18</sup> Таким образом в Российской империи начала века планировалось создать универсальную инфраструктуру, обеспечивающую вертикаль власти – государство.

Для того чтобы рационализировать управление, определить и обосновать потребности своих ведомств и служащих, министры стали требовать от департаментов и экспедиций статистические данные по ведомству и побуждали их создавать “герольдии” (“календари”) чиновников. Новая работа повлекла за собой разработку методов сбора

---

<sup>17</sup> А. С. Стурдза. Записка о нынешнем положении Германии // Россия–Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. Вып. 3. Москва, 1999. С. 153.

<sup>18</sup> С. А. Чибиряев. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. Москва, 1989.

первичных сведений. Прежние попытки министров получить их от губернаторов или от учителей не позволяли канцеляристам сравнивать и обобщать собранные фрагментарные данные. Дабы обрести такую возможность, в начале 1810-х гг. канцелярии МВД, военных министерств и полиции напряженно трудились над созданием матриц документов, разрабатывали вопросники, прописывали общие условия чиновничества, изобретали формуляры отчетных документов, писали “общие положения”.<sup>19</sup> Оказалось, что для создания современного государства и трансформации чиновников в рациональную бюрократию отсутствовали самые элементарные условия. Первоначальным шагом на этом пути стала тотальная “каталогизация” реальности и “перекодирование” ее в универсальные категории (рационализация). Тем более примечательно, что из этого процесса поначалу оказалась исключенной сфера образования, обладавшая, теоретически, наиболее подготовленными кадрами для рационализации системы управления.

### ***Рационализация управления учебными округами***

Обещанное еще по манифесту 1811 года “особое учреждение” для конкретных ведомств Министерство народного просвещения получило лишь в 1817 году. Это было сделано в связи с объединением его с Главным управлением духовных дел православного и иностранных исповеданий – в единое Министерство духовных дел и народного просвещения под руководством А. Н. Голицына.<sup>20</sup> Тогда же был в разы увеличен штат чиновников Департамента народного просвещения. Департамент разделили на отделения, а во главе поставили опытного в бюрократических делах Д. И. Языкова, служившего в министерстве с самого его учреждения. Расширение штата и введенная специализация деятельности министерских чиновников сказались на усилении контроля над регулярностью делопроизводства, глубине его переработки и на переходе от сбора произвольной информации к ее формированию. Так, Ученый комитет (первоначально подчинявшийся Главному управлению училищ) довольно быстро обрел самостоятельность и начал заниматься проверкой и унификацией созданных профессорами учебных программ

---

<sup>19</sup> О том, как эта работа проходила в Министерстве полиции, см.: З. С. Гатина. Врачебная экспертиза в системе управления Российской империей первой половины XIX века / Дис. ... к.и.н. Москва, 2017.

<sup>20</sup> С. В. Рожественский. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. Санкт-Петербург, 1902. С. 48.

и пособий, контролем над учебными практиками преподавателей, сертификацией ученых степеней. Членам этого комитета принадлежит разработка первого государственного стандарта требований к знаниям соискателей ученых степеней (1819).

В логике функционирования новой министерской структуры можно увидеть уже признаки современной бюрократии, но оставался открытым вопрос о том, как распространить зачаточный бюрократический контроль – унифицированный и обезличенный, опосредованный через стандартизированный обмен информацией – на подчиненные сферы? Не менее существенной оказалась и другая проблема. Важным аспектом рационализации управления как основы современной бюрократической системы является формулирование некоего последовательного курса при исполнении основных должностных обязанностей (политика). Реформаторы российской государственной системы не ожидали, что формализация и регламентация служебной иерархии приведет к обособлению “коллективной воли” бюрократии. Во всяком случае, официально никак не оговаривалось, какому именно курсу должно следовать конкретное ведомство, если верховная власть не сформулировала детальной программы в его области.

Этой новой, неоговоренной возможностью формирующейся бюрократической системы попытался воспользоваться вернувшийся из Германии А. С. Стурдза. Став членом Ученого комитета, Стурдза, убежденный в подрывном характере современных университетов, навязал этому государственному органу программу клерикализации образования (изложенную им в “Инструкции Ученому комитету”, 1818). В результате, “технический” процесс распространения современного бюрократического контроля на нижестоящие инстанции оказался неразрывно связан с “идеологической” составляющей – определенным политическим курсом, который был придан модернизации управления университетами. Для некоторых чиновников идеологический компонент едва ли не заслонял организационный, во всяком случае, служил доказательством особой современности и политической значимости их миссии.

Особо наглядным примером отношения к бюрократизации процесса управления как рационализации (одновременно административной и политической) служит деятельность попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого (в 1819–1826 гг.). В нашу задачу не входит комментирование одиозной репутации, которую заслужил Магницкий у многих современников и большинства историков. В данном случае

нас интересует работа канцелярии попечителя по инструментализации управления удаленным и весьма обширным учебным округом, то, каким образом профессора и учителя встраивались в формирующуюся современную бюрократическую систему.

В ходе ревизии университета в Казани (1819) Магницкий обнаружил множество отступлений от правильной организации университетской деятельности: финансовые нарушения, несоблюдение процедуры избрания профессоров на вакантные должности, единоличное распоряжение в университетском совете директора И. Ф. Яковкина, нестабильный уровень подготовки выпускников к государственной службе. Отсутствие норм служебной дисциплины дополнялись элементарной хозяйственной разрухой в учебных зданиях. Магницкий решил использовать слабый университет для демонстрации возможностей рациональной управленческой схемы. Вероятно, источником административного творчества Магницкого стал опыт его службы в российских посольствах в Австрии и Франции, в министерстве внутренних дел, в департаменте законов Государственного Совета, в Комиссии военных уставов и уложений Министерства военно-сухопутных дел – то есть буквально на переднем крае современного государственного строительства.<sup>21</sup> Полученные там знания и наблюдения он адаптировал к специфической и новой для него области, ориентируясь при этом и на долгосрочные планы собственной политической карьеры.

Сохранившиеся в архивах Казанского университета и попечительской канцелярии документы позволяют восстановить предпринятые Магницким меры по “бюрократизации” работы университета, в рамках определенного политического курса.<sup>22</sup> Назначенный исправить выявленные в ходе ревизии недостатки, попечитель начал с обучения профессоров “правильному” языку и правильным мыслям (коль скоро “рационализация” не может ограничиваться лишь процедурной стороной). Для этого он написал комплекс текстов (“инструкций”), имеющих явный идеологический характер.<sup>23</sup> В них был четко очерчен

<sup>21</sup> А. Ю. Минаков. Михаил Леонтьевич Магницкий // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX века. Воронеж, 2005. С. 268-271.

<sup>22</sup> Изначально эти два архива имели разное назначение, места хранения и цели использования, см.: К. А. Ильина. Архивы попечителей учебных округов в Российской империи // Биографии университетских архивов / Под. ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова. Москва, 2017. С. 165-184.

<sup>23</sup> Инструкция директору Казанского университета, 17 января 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Санкт-Петербург, 1864. № 374. Стб. 1199-1220.

круг обязанностей профессоров: производить научное знание, совершенствовать методы преподавания, издавать книги, воспитывать преемников на кафедре и чиновников, управлять округом. При этом все вышеперечисленные “технические” требования находили рациональное обоснование, не сводящееся к механическому исполнению приказа вышестоящих властей. Рационализация означала включение отправления служебных обязанностей в некую общую картину мира, неотъемлемой частью которой становилось современное государство. Исходя из предложений Стурдзы, Магницкий сформулировал интересы правительства в деле просвещения как покоящиеся “на твердом основании христианской религии”.<sup>24</sup>

Формализация служебной деятельности и формулирование ее идейной подоплеки служили цели создания современной государственной системы управления (а не рационализации самой по себе). Поэтому часть попечительских инструкций написана в стилистике прямых приказов. В сочетании с мелочной регламентацией поведения студентов и преподавателей (“рационализацией”) этот формат вызывал раздражение профессоров, чувствовавших себя униженными.

Магницкий управлял Казанским учебным округом из Петербурга: современная бюрократическая система управления не требует физического присутствия конкретного чиновника, опираясь на обезличенные административные механизмы управления. Он стремился распространить свою власть на подведомственные учреждения через посредничество чиновников своей канцелярии и университетских администраторов. Для этого Магницкий ввел в университетскую структуру профессорского самоуправления должность назначенного им директора, который отвечал за финансовые и хозяйственные вопросы. Специализировав эти неакадемические функции (и одновременно ограничив полномочия ученого совета и ректора), попечитель смог разделить корпоративное управление на две части и получать от представителя каждой из них свою сводку сведений. Попечительская канцелярия постоянно совершенствовала сбор информации о состоянии школ и университета. Кроме полуофициальных писем, описывающих происходящее в университете, Магницкий предписал секретарю совета вести формальное делопроизводство “с совершенством” и присылать в Петербург выписки из него.<sup>25</sup> А члены совета и правления (как и чинов-

<sup>24</sup> Там же. Стб. 1207.

<sup>25</sup> Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 599. Л. 72 об.

ники прочих присутственных мест в империи) обязаны были отныне составлять и отсылать попечителю ежемесячные мемории (краткие аннотации) протоколов заседаний и дважды в месяц – “ведомости о происшествиях”. Периодичность отчетности и необходимость самостоятельно определять содержание донесений (что именно считать “происшествием”) выступали в роли важнейшей дисциплинарной практики, включавшей местных служащих в структуру современных бюрократических отношений.

Далее Магницкий добивался, чтобы отчетные тексты профессоров писались на канцелярите.<sup>26</sup> Он считал язык академического письма “схоластическим” и “двуличным”,<sup>27</sup> требовавшим перевода на язык не только “понятный для каждого, но и приятный и заманчивой”.<sup>28</sup> В еженедельно присылаемых письмах Магницкий объяснял университетскому совету преимущество строгих форм делопроизводства перед произвольно написанными сочинениями, приводил примеры того, какие негативные последствия влекли за собой отступления от делового слога и единообразия.<sup>29</sup> За формализацией делопроизводства стояло стремление буквально превратить профессоров в других людей – бюрократов (по крайней мере, на то время, когда они пользовались чуждым им бюрократическим языком).

Магницкий добивался изменения языка не только внешних коммуникаций “ученого сословия” с министерством, но и внутренних отношений. Например, казанские преподаватели должны были отказаться от практики оценивать знания и способности учеников посредством нарративных характеристик. По примеру военных учебных заведений Магницкий ввел в школах своего округа формализованные оценки: “отличные”, “весьма хорошие”, “хорошие”, “посредственные” – для знаний; “нововступившие или испытываемые”, “исправляемые”, “под особым надзором находящиеся” – для поведения.<sup>30</sup> Попечительская канцелярия сводила эти оценки в таблицы,<sup>31</sup> что предоставило статистические аргументы для оценки успехов преподавания и кадровых решений. Практической стороной нового, более детального знания

<sup>26</sup> К. А. Левинсон. Некоторые наблюдения относительно языка государственного делопроизводства в городах Священной Римской империи в Раннее Новое время // Археографический ежегодник. 2006–2007. Москва, 2012. С. 126–146.

<sup>27</sup> М. Л. Магницкий. Краткое руководство. С. 85–86.

<sup>28</sup> Там же. С. 84–85.

<sup>29</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1247. Л. 1–1 об.

<sup>30</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 205. Л. 13.

<sup>31</sup> РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 354. Л. 6 об.

становилось символическое подчинение преподавателей и учащихся невидимой государственной власти даже в повседневных условиях, вне прямого контакта с чиновниками – через включение в систему связанной сверху рационализации восприятия друг друга.

Себя Магницкий считал не только практиком, но и теоретиком государственного управления. В письмах и специальных сочинениях он рассказывал о конструктивистских возможностях документа и результатах казанского эксперимента (который называл “переворотом” в управлении российским образованием).<sup>32</sup> Он ратовал за распространение эксперимента на другие учебные округа.<sup>33</sup>

Так, без императорских указов и министерских распоряжений, без институциональных реформ, а лишь посредством введения еженедельных изменений в текущее делопроизводство Магницкий смог добиться усиления попечительской власти и ограничить власть профессорского совета. И хотя под его управлением был построен университетский кампус, созданы каталоги библиотек и описания научных кабинетов, повысился уровень обучения, началось издание “Казанского вестника” и научные стажировки адъюнктов, Магницкий остался в памяти современников в образе карьериста, мракобеса и душителя образования.<sup>34</sup> Очевидно, что эта репутация в немалой степени была вызвана

<sup>32</sup> Там же. Л. 7.

<sup>33</sup> Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного тайного советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива I-го Отделения С.Е.И.В. Канцелярии. Санкт-Петербург, 1876. Вып. 1. С. 363.

<sup>34</sup> Эпиграмма П. А. Вяземского в: Письма разных лиц Ивану Ивановичу Дмитриеву // Русский архив. 1866. С. 1710-1711; эпиграмма Гундунова в: Воспоминания В. И. Панаева // Вестник Европы. 1867. Т. IV. С. 97-98, сноски; А. Ф. Воейков. Дом Сумасшедших. Москва, 1911. С. 12-13; И. И. Лажечников. Как я знал М. Л. Магницкого // Русский вестник. 1866. Т. 61. С. 121-146; Воспоминания В. И. Панаева. III глава // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 72-121; Ф. Н. Фортунатов. Памятные заметки вологжанина // Русский архив. 1867. № 12. С. 1646-1708; [П. А. Вяземский] Из старой записной книжки // Русский архив. 1874. Кн. 1. С. 173-202; Ч-в. Михаил Леонтьевич Магницкий. Новые данные к его характеристике. 1829–1834 // Русская старина. 1875. Кн. 11. С. 478-491; П. Т. Морозов. Мое знакомство с М. Л. Магницким // Русский архив. 1875. Кн. 3. С. 241-250; Из Одесских воспоминаний П. Т. Морозова // Русский архив. 1877. Кн. 3. С. 324-330; Л. С. Мацеевич. Одесские заметки о М. Л. Магницком // Русский архив. 1898. Кн. 1. С. 223-230; О пожертвовании протоиереем М. Павловским книг для библиотеки духовной семинарии. Прилагается перечень книг // Херсонские епархиальные ведомости. 1874. № 14. С. 461-465; А. С. Стурдза. Воспоминания о Михаиле Леонтьевиче Магницком // Русский архив. 1868. С. 926-938.

гнетом новых дисциплинарных практик, подчинявших студентов и профессоров такому плотному контролю современной бюрократической системы, на которую не был способен никакой деспот на троне.

Вероятно, успех построения современной бюрократической системы и погубил Магницкого, не сумевшего вполне освоить правила созданной им самим анонимной власти. Эта система формальной и рациональной власти опиралась на документ как ее главное материальное свидетельство (в отличие от традиционной власти, наглядным воплощением которой служил украшенный регалиями сановник или грозный полководец). Магницкий знал, что “бумаги” могут оказаться в умелых руках доказательством либо радения, либо преступления (в ходе проверки 1819 г. он сам использовал документы университетской канцелярии для отставки директора И. Ф. Яковкина). Возглавив учебный округ, Магницкий тщательно следил за сохранностью свидетельств административной деятельности. В те годы в большинстве университетов дела из канцелярий просто относились в архивную камеру и там складировались связанными стопками на полу. Казанский же попечитель озаботился их систематизацией и даже ревизией. В переписке с ректором Б. Г. Никольским он сформулировал принципы сохранения документов. Так, ректор должен был уничтожать свидетельства конфликтов и ссор профессоров и сохранять в архиве все, что говорило о расцвете университета при новом управлении.<sup>35</sup> Архив собственной канцелярии (которая сопровождала попечителя повсюду) Магницкий не цензурировал, но добивался его тщательной систематизации, чтобы в любой момент можно было найти необходимое (особенно негативное) свидетельство.

Это решение сыграло злую шутку с Магницким, который не учел, что информация является самостоятельной силой, независимой даже от своего заказчика. Судя по материалам ревизии 1827 года, попавший в опалу попечитель не успел почистить архив своей канцелярии. Получив после ареста Магницкого его бумаги, ревизор П. Ф. Желтухин и министерский чиновник В. И. Панаев составили на их основании обвинения в должностном преступлении. В частности, они доказали, что деньги, выделяемые казной на содержание попечительской канцелярии, хранились в доме Магницкого и тратились по его произволу, по устным распоряжениям. Никаких приходно-расходных книг канцелярия не

---

<sup>35</sup> Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРК НБЛ КФУ). Ед. хр. № 7831. Л. 10-10 об.; РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 116. Л. 204 об.

вела (что так контрастировало с насаждавшейся Магницким мелочной регламентацией университетского делопроизводства).<sup>36</sup>

### ***Выбор новой стратегии и систематизация управления***

В 1826 г. Магницкий был выслан в Ревель и в дальнейшем сошел с политической авансцены, но апробированный им на Казанском учебном округе эксперимент лег в основу последующего взаимодействия Министерства со школами. В 1820-е годы довольно сильно изменился состав служащих министерства. Из Главного правления училищ постепенно ушли аристократы-попечители, в департаментах, комитетах и канцеляриях появились чиновники с университетскими дипломами и опытом канцелярской службы. Несколько университетски подготовленных литераторов (Н. Ф. Остолопов, П. И. Соколов) вошли в тесное сотрудничество с Министерством с началом издания “Журнала Департамента народного просвещения”, переименованного позже в “Журнал Министерства народного просвещения”.

Новые бюрократы, ответственные за создание главного ведомственного отчета, расширили каналы и объем собираемой со школ информации: с конца 1810-х годов министерство стало требовать изготовления из именных списков учащихся сводных (за десять лет) таблиц (ведомостей) с их оценками; во второй половине 1820-х годов оно запрашивало не только ежемесячные мемории заседаний, но и обзоры преподаваемых наук, библиографические аннотации к учебным дисциплинам, планы и программы преподавания, сведения об учебных пособиях, копии речей для торжественных актов. Растущий поток делопроизводства объяснялся заботой министерских чиновников о “нравственном здоровье” будущих государственных служащих, о качестве их подготовки к службе. Непосредственным эффектом многократного увеличения документооборота явилась институционализация современной “рациональной” бюрократической власти, проявлявшейся в необходимости подчиненных собирать информацию о своей деятельности, обрабатывать ее по навязанным сверху критериям и регулярно передавать ее на суд начальства.

Теперь никто уже не поднимал вопрос, нужны ли России университеты и не опасны ли они – поскольку сфера образования больше не воспринималась как автономная от правительственного контроля. Другое дело, что контроль этот намеревались усовершенствовать. Став-

<sup>36</sup> НАРТ. Ф. 92. Оп. 1 Д. 2393. Л. 13-14.

ший в 1824 г. министром А. С. Шишков тоже признавал управление образованием неупорядоченным. А спустя два года новый император Николай I, звавший от своего тестя, короля Фридриха Вильгельма III, о прусском опыте унификации учебных заведений, упрекнул министерство просвещения в неспособности добиться “должного и необходимого единообразия” в образовании.<sup>37</sup> Для исправления ситуации в 1826 г. был создан Комитет устройства учебных заведений, в который кроме министра вошли С. С. Уваров, М. М. Сперанский и С. Г. Строганов.<sup>38</sup> Членам комитета предстояло оценить деятельность своих предшественников по управлению школами, обменяться знаниями и опытом и обсудить достоинства образовательных систем европейских соседей, в том числе Прусского королевства и Австрийской империи, где к тому времени было введено обязательное начальное образование и установлен государственный экзамен по оценке знаний школьников (*Abitur*). Введению *Abitur* предшествовала разработка единого образовательного стандарта и системы его обеспечения. Эти реформы вызывали интерес не только у восточных соседей, но и восторженное описание французских, а также американских наблюдателей.

Члены Комитета устройства учебных заведений анализировали состояние школ, разрабатывали алгоритм создания единых учебных программ и нормирования образовательной деятельности.<sup>39</sup> Формирующиеся невидимые механизмы контроля оставались невидимы и для верховной власти – во всяком случае, император, недовольный отсутствием явных изменений, в 1828 г. предложил престарелому Шишкову выйти в отставку и назначил на его место К. А. Ливена.

В 1832 г. товарищ (заместитель) министра С. С. Уваров подал на рассмотрение императора доклад, в котором доказывал: в российском образовании все еще царит беспорядок.<sup>40</sup> Министерская политика не

<sup>37</sup> Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. Санкт-Петербург, 1827. Кн. 2. С. 7; Об учреждении комитета для сличения и уравнивания уставов учебных заведений и определения курсов учения в оных, 14 мая 1826 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. Санкт-Петербург, 1864. № 10. Стб. 22.

<sup>38</sup> Там же. Стб. 23.

<sup>39</sup> О. В. Попов. С.С. Уваров и подготовка общего устава российских университетов 1835 года // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 4. Воронеж, 1999. С. 18-28.

<sup>40</sup> С. С. Уваров. Из записки “О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного” // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология. Москва, 2011. С. 125.

имела определенной цели, учебные заведения отличались излишним разнообразием типов, уровень подготовки учителей был слишком неравномерным, университеты пользовались слишком высокой свободой. “Университеты существуют, – уверял Уваров со ссылками на результаты проверки Московского университета, – только по имени; Московский, некогда глава наших учебных заведений, недавно доходит до упадка. Санкт-Петербургский в настоящем виде едва ли не уступает хорошо устроенной гимназии. Харьковский и Казанский, не дозревши, дряхлеют”.<sup>41</sup> Решение проблемы Уваров видел в “системности”. Именно ею объяснялись успехи прусского правительства в деле ликвидации неграмотности населения и подъема экономики страны.<sup>42</sup> Системность рассматривалась как средство и цель управления (отдельным учреждением и государственным устройством в целом). По сути, речь шла именно о построении современной государственности как автономном надындивидуальном механизме управления, основанном на рациональном знании.

Уровень системности можно было измерить цифрами и увидеть в таблицах.<sup>43</sup> Новейшая мода на статистику как основу научной организации государственного управления, распространившаяся в Европе,<sup>44</sup> разделялась и российскими министрами государственных имуществ и внутренних дел, проводивших инвентаризацию ресурсов империи.<sup>45</sup> Важно подчеркнуть, что под системностью подразумевались именно рационализация и знание, а не административная структура как таковая. В исследовательской литературе, посвященной С. С. Уварову и истории российского образования, понятия “учебная система”, “университетская система”, “российская система образования” и “уваровская система народного просвещения” используются в качестве синонимов.<sup>46</sup> Однако сам Уваров использовал слово “система” в двух

<sup>41</sup> Там же.

<sup>42</sup> H.G. Good, J. D. Teiler. *A History of Western Education*. Third Edition. London, 1970. P. 348.

<sup>43</sup> W. Bruce Lincoln. *In the Vanguard of Reform: Russia’s Enlightened Bureaucrats 1825–1861*. DeKalb, 1982; И. А. Христофоров. *Судьба реформы: Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.)*. Москва, 2011.

<sup>44</sup> Theodore Porter. *The Rise of Statistical Thinking, 1820–1900*. Princeton, 1986.

<sup>45</sup> РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 135, 141. Об этом см: Христофоров. *Судьба реформы*.

<sup>46</sup> П. И. Ферлюдин. *Исторический обзор мер по высшему образованию в России*. Вып. 1. Академия наук и университеты. Саратов, 1894; В. В. Пугачев. *К вопросу о политических взглядах С. С. Уварова в 1810-е годы // Ученые записки Горьковского*

значениях: “теория” (или “концепция”) и логический “порядок вещей” (и рациональный подход в целом).<sup>47</sup> Для системы, утверждал Уваров, характерны целевые установки (“система расширения, военная система, система протекционизма, система ослабления грозных держав”<sup>48</sup>), ясность, стройность, связь между элементами, соразмерность частей, легкость надзора и “твердые основания” (то есть идеология).

Эти рассуждения, а также склонность Уварова к классификации, учету, типологизации оказались созвучны намерению Николая I “благоустроить” Российскую империю на рациональных основаниях. Для этого, вспоминал Уваров, предстояло

преобразовать и согласить между собой все дотоле учрежденные учебные заведения и привести их, так сказать, к одному началу, поставляя это начало в образовании учебной системы, которая, с одной стороны, возрастала бы из самых оснований нашего быта, а, с другой, шла бы рядом с современным неизбежным развитием наук и просвещения в Европе.<sup>49</sup>

В дальнейшем, когда Уваров говорил и писал о “системе образования”, то чаще всего имел в виду политику порученного ему министерства. Создать или разработать ее значило установить действенный контроль над деятельностью локальных академических сообществ и связанных с ними учебных округов. Контроль понимался Уваровым не в старом полицейском смысле, а так, как его пытался реализовать в Казани Магницкий: через самонадзор и самоцензуру подчиненных,

---

гос. университета. 1964. Вып. 72. Т. 1. С. 125-132; Nicholas Riasanovsky. *Nicholas and Official Nationality in Russia, 1825–1855*. Berkley, 1959; Cynthia H. Whittaker. *The Ideology of Sergei Uvarov: An Interpretive Essay* // *Russian Review*. 1978. Vol. 37. No. 2. Pp. 158-176; В. Хотеевков, В. Чернета. Граф С. С. Уваров – министр и просветитель // *Высшее образование в России*. 1996. № 1. С. 146-158; № 2. С. 147-160; James T. Flynn. *The University Reform of Tsar Alexander I. 1802–1825*. Washington, 1988; Cynthia H. Whittaker. *The Origin of Modern Russian Education: An Intellectual Biography of Count Sergei Uvarov, 1786–1855*. Dekalb, 1984; Ф. А. Петров Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Москва, 1998–2001. Кн. 1-4; О. В. Попов. Уваров и подготовка; В. С. Парсамов, С. В. Удалов. Сергей Семенович Уваров // С. С. Уваров. *Избранные труды*. Москва, 2009. С. 53.

<sup>47</sup> С. С. Уваров. Десятилетие Министерства народного просвещения, 1833–1843 // С. С. Уваров. *Избранные труды*. Москва, 2009. С. 348; С. С. Уваров. Исследование об Элевсинских таинствах // Там же. С. 151.

<sup>48</sup> С. С. Уваров. Размышление о том, что великая мощь, соединенная с великой умеренностью, может совершить для счастья человечества // Там же. С. 167.

<sup>49</sup> С. С. Уваров. Десятилетие Министерства. С. 368.

в рамках четкой идеологической программы. Именно с этой точки зрения он солидаризировался с опасениями А. С. Стурдзы из-за того, что даже в Пруссии помимо славного Берлинского университета есть университеты, представляющие собой “объединения без смысла и цели, составляющие государство в государстве, они оживлены надменным корпоративным духом”.<sup>50</sup> Реальный государственный контроль требовал ликвидации автономных систем знания, не совпадающих с государственной “системой”. Проблема была в том, что Российская империя не имела определенной государственной идеи, что больше всего беспокоило Уварова. В 1843 г. он уверял Николая I: России необходимы

*русская система и европейское образование; система русская – ибо то только полезно и плодотворно, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование европейское – ибо больше, как когда-нибудь, мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти; но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего.*<sup>51</sup>

### ***Практики самоописания и самоконтроля***

Получив после ревизии Московского университета пост сначала товарища (1832), потом управляющего (1833), а позже министра народного просвещения (1834), Уваров начал с создания своей команды в Министерстве, а затем написания и рассылки по округам идеологических текстов. Практически все организационные инициативы во время его долгого правления разрабатывались в Департаменте народного просвещения, деятельность которого с 1833–1834 гг. определяли П. А. Шири́нский-Шихматов (директор департамента) и его помощник П. И. Гаевский (управляющий, а с 1837 года – вице-директор департамента).<sup>52</sup>

<sup>50</sup> А. С. Стурдза. Записка о нынешнем положении Германии. С. 152.

<sup>51</sup> С. С. Уваров. О народонаселении в России // С. С. Уваров. Избранные труды. С. 293.

<sup>52</sup> П. А. Шири́нского-Шихматова привел в Министерство народного просвещения А. С. Шишков (1824). При нем он вел делопроизводство министра, то есть возглавлял его канцелярию. Затем он стал правителем дел Комитета об устройстве учебных заведений, а в 1830 г. – председателем Комитета иностранной цензуры. В 1833 г., как только С. С. Уваров занял пост министра, Шири́нский-Шихматов был назначен директором департамента, а в 1842 г. стал товарищем министра; после отставки Уварова в 1849 г. занял его пост. Подробнее биографию Шири́нского-